

УДК 821.161.1:18+81'42

МЕСТОИМЕНИЕ КАК ЯЗЫКОВОЙ МАРКЕР ЭСТЕТИКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

И. В. Гладилина, Е. Г. Усовик

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению процесса прономинализации, его роли в формировании эстетики русского литературного постмодернизма. В качестве материала исследования взяты романы Д. Липскерова «Пространство Готлиба», «Последний сон разума». «Сорок лет Чанчжоэ».

Ключевые слова: *постмодернизм, текст, симулякр, лингвистический анализ, местоимение, прономинализация.*

В работах исследователей художественного текста огромное внимание уделяется фонетическим, лексическим и синтаксическим ресурсам, а морфологический потенциал недооценивается, он оказывается на периферии научных интересов как лингвистов, так и литературоведов. Это происходит потому, что некоторые языковые явления априорно считаются малоценными в художественном отношении и остаются за горизонтом внимания специалистов. Примером тому служит подход филологов к оценке художественного потенциала местоимений.

Однако в языке нет ничего, что при определённых условиях не могло бы стать художественно значимым. У местоимений, как и у каждой части речи, свои истоки выразительности, а ее степень, уровень художественного использования всегда зависит от мастерства автора.

По своему категориальному значению местоимения – это прономика, семантика которой неопределённа. Текст же в традиции постмодернизма утрачивает строгость предметной спецификации, в нем отсутствует всё объясняющий концепт: за описываемыми явлениями нельзя обнаружить никакой глубины, сущности, будь то Бог, Абсолют, Логос, Истина и т. д. Это влечет за собой потерю смыслового центра, создающего пространство диалога автора с читателем, и наоборот. Такой текст допускает бесконечное множество интерпретаций, он становится многосмысленным. Отсутствие центра превращает авторов в субъектов бесконечной коммуникации. Источник информации, равно как и адресат, становится неопределённым.

Основополагающим при этом плюрализме смыслов, размытии границ знака, его элиминации и, как следствие, образовании пустого знака является процесс прономинализации. Он выявляет и определяет эстетику постмодернизма, и местоимения при этом играют немаловажную роль: они являются маркерами прономинализации.

Если вспомнить основополагающий принцип эстетики постмодернизма (нет ничего, кроме текста), то мир, вся окружающая реальность должны

восприниматься с точки зрения постмодернизма как один большой текст со множеством его интерпретаций. Исследователь постмодернизма И. Ильин пишет: «...постмодернистская мысль пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления. Таким образом, восприятие человека объявляется обреченным на "мультиперспективизм": на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающих возможность познать ее сущность» [1, с. 128].

Таким образом, мир для постмодерна выступает как текст. Сам же постмодернистский текст в широком смысле выступает как одно большое местоимение, живет и существует по его законам, сиюминутно наполняясь смыслами и меняясь в зависимости от точки зрения читателя.

Так же, как и местоимение, он может обозначать множество различных предметов, хотя и имеет одну знаковую оболочку, приобретая в зависимости от точки зрения читателя, которую он может менять в процессе чтения, различные интерпретации. Поэтому мир и воспринимается как текст: одна и та же действительность, но для каждого она своя.

Центральной категорией эстетики постмодернизма является симулякр – знак, имеющий только план выражения, но не отсылающий к конкретному референту, т. е. это знак с пустой референцией. Актуализация его значения может быть осуществлена лишь в ходе коммуникации от адресанта к адресату (адресатам). Это означает, что симулякр может обрести свой смысл в том случае, если отдельные ассоциативные и коннотативные его аспекты, имплицитно заложенные в нем адресантом, будут актуализованы воедино в восприятии адресата.

Фундаментальным свойством симулякра в связи с этим выступает его принципиальная несоотнесенность и несоотнесенность с какой бы то ни было реальностью.

Таким образом, коммуникация, осуществляющаяся посредством симулякра, основана не на совмещении семантически постоянных понятийных полей участников коммуникации, но на кооперации неустойчивых и сиюминутных семантических ассоциаций коммуникативных партнеров.

Такими симулякрами, т. е. знаками с пустой референцией, являются в текстах Д. Липскерова многие понятия, которые в ходе этой коммуникации-игры теряют свой смысл, ранее в культурной традиции не подвергавшийся сомнению: истина, пространство, время, смерть, боль, страх, язык и др.

Часто эти симулякры раскрываются для восприятия читателя через их номинацию местоимениями. Более того, симулякры становятся прономиной (дейктической единицей) и соотносятся с местоимениями в тексте и в сознании читателя, при этом выполняя две функции:

1. *указательную* (происходит отсылка к предшествующему контекстуальному детерминизму и реализму);
2. *анафорическую* (отсылка к другим симулякрам).

Происходит же это соотнесение благодаря процессу прономинализации: границы слова (денотат и сигнификат) в сознании

читателя начинают размываться. Таким образом, получается дейксис. При этом данная дейктическая единица в тексте начинает сиюминутно наполняться ассоциациями участников коммуникации. При соотношении же с предшествующими традициями дейксис становится симулякром.

Отсутствие референции как раз и является основополагающим при этом процессе. Понятия переходят одно в другое и живут именно в «моем» восприятии, в восприятии «Я-субъекта» и «Я-объекта», осмысливающего себя со стороны. Постмодернизм рассматривает человека как особую языковую личность, субъекта, «Я», которое можно реконструировать на основе анализа порожденных ею текстов.

Фигура «Другого», партнера по коммуникации, оказывается конституирующе значимой. В целом «Я» не есть онтологическая данность, но конституируется лишь в качестве отношения с «Ты». Именно «опыт Ты» как последовательное восхождение к открытости общения вплоть до признания «Другого» равным участником диалога и как основа «открытости и свободного перетекания Я в Ты» (Гадамер) [2, с.444.] является основополагающим для становления подлинного «Я». В постмодернизме же этим «Другим» становится «Я-объект» – расщепленное на субъект и объект «Я». И способ бытия есть, согласно Сартру, «быть увиденным Другим» [7, с. 291]. В свою очередь, эта соотношенность двойственна в силу двойственности особых основных слов, которые на самом деле представляют собой пары слов: одно основное слово – сочетание «Я–Ты», другое основное слово – сочетание «Я–Оно», причем на место «Оно» может встать «Он» и «Она».

Таким образом, происходит расщепление субъекта «Я» на «я» и «он». Постмодернистскому субъекту свойственно оценивать себя со стороны, т. е. сознание оценивает себя субъективно – извне и объективно – снаружи.

Местоимение *Я*, являющееся выразителем субъективности, как раз и стоит в центре всего ряда местоимений. Оно означает лицо, к которому так или иначе обращено все другое: *Я* – это лицо, непосредственно воспринимающее, познающее, действующее, оценивающее и мысленно или реально концентрирующее вокруг себя все окружающее: *Я* ставит себя в центр и наглядно демонстрирует «человекоцентризм». *Я* – источник знания: знаю я, говорящий, сообщающий, а не ты и не он. Для этих местоимений характерна функция обобщения: в меньшей степени для *Я*, в большей – для *ТЫ*, *ОН*, а также для *САМ*, *СЕБЯ*.

Мир и все, что связано с ним и окружает человека, выступает как одна большая прономина со множеством ее интерпретаций, которые зависят от точки зрения читателя.

И процесс прономинализация выступает как раз как основной конструкт этой философии, как основа эстетической парадигмы этого литературного течения. Основным же признаком данного процесса является ослабление или даже полная утрата конкретного значения и приобретение словами других частей речи местоименного (дейктического) значения.

Пространство – грамматическая категория, значения которой характеризуют пространственную отнесенность ситуации (пространственную референцию), а время – временную отнесенность (временную референцию) ситуации, описываемой предложением.

Данные понятия (пространство и время) также подвергаются в текстах Д. Липскерова процессу прономинализации и являются симулякрами.

Этот процесс ярко прослеживается на примере «Пространства Готлиба». Данный роман написан в эпистолярном жанре: двое калек, познакомившиеся в санатории во время лечения, начинают вести переписку. Анна Веллер и Евгений Молокан – парализованные люди, которые познают мир в основном через окно, дверь, телевизор – подобие окна.

Уже сам эпистолярный жанр подразумевает сосредоточение личных местоимений, так как повествование в письме ведется от 1-го лица («Я-субъект», «Я-объект»). Однако на протяжении всего романа адресантом письма является *ВЫ*.

Внешне *ВЫ* – уважительная форма обращения, но *ВЫ* по отношению к *Я* выражает также «все», что «не я» («вас» много), то есть формируется оппозиция «моё» пространство и «ваше». Внешний же мир – мир за окном, дверью: «Прохожие под *моими* окнами ходят всё более праздные... Мне нравится, что у *них* веселые лица, что *они* с хорошим настроением... А ещё *они* кушают питу...» [4, с. 21] (выделено нами – И. Г., Е. У.).

Граница (окно) отделяет «меня» от «них», «мой» мир от «их» мира.

В лингвистике существует термин *социальный дейксис*, иногда используемый в исследованиях категории вежливости в разных странах. В русском языке выбор между местоимениями 2-го лица ед.ч. *ты* и *Вы* обусловлен, в частности, относительным социальным статусом говорящего и адресата.

В начале произведения использование уважительной формы «Вы» маркировано именно социальным статусом (малое знакомство субъектов речи), в конце же произведения это обращение перестает быть обусловленным.

Таким образом, по отношению к каждому из двух адресантов вырисовывается «тройное» пространство (на уровне мест), причем *ВЫ*, 2 лицо, – нечто среднее между *Я* – 1 лицо и *ОНИ* – 3 лицо.

«Ваш» мир похож на «мой», но «чужой» мне. Поэтому используется и такое большое количество притяжательных местоимений: принадлежащее «мне», «вам», «им», т. е. «мой», «твой», «их».

В знаковом же отношении *ВЫ* можно рассмотреть как границу между *Я* и *ОНИ*. В данном произведении «вы» является подобием окна в «их» (= «они», т. е. «чужой») мир, который соединяет «я» и «они».

Вспомним сюжет «Пространства Готлиба»: Анна Веллер и Евгений Молокан в прошлом не являлись калеками. В силу «мистических», в чем-то комических обстоятельств, обусловленных борьбой государства против иноземной «Метрической системы», они лишились возможности передвигаться, т. е. стали калеками. При этом стало парализованным не только их тело но, и вся их жизнь. Поэтому для каждого из них *ВЫ* является своего рода окном из «они» в «я», то есть своеобразной границей между *Я* и *ОНИ*.

Герои, общаясь друг с другом посредством писем, не только смотрят в это окно «вы», слушая и переживая снова свою историю, но и находятся в это время то вместе с «вы» (и живет его жизнью), то в своем прошлом (при этом являясь этим же «вы», но для другого участника коммуникации), то вообще

становятся тем самым «они», когда в конце романа оказывается, что Евгений Молокан – настоящее имя Готлиб – это совершенно здоровый человек, к которому случайно попало письмо Анны.

Понятие пространства оказывается, таким образом, также неоднозначным, знаком с пустой референцией, ведь все, что рассказывал Анне Евгений – это ложь, все, что окружало ее – полнейшая мистификация. Да и было ли все это? Да и жила ли она сама? И становится непонятным, сон это или явь. И возникает ощущение: может, и вся жизнь – это сон...

Процесс прономинализации размывает границы данного понятия, элиминирует его, и пространство становится в тексте симулякром, местоимения же являются своего рода границей между разными мирами: «своим» и «чужим» пространством.

Пространство в литературных произведениях неотъемлемо связано с понятием времени, которое, в свою очередь, также оказывается далеко неоднозначным, подвергнутым процессу прономинализации.

В произведении «Пространство Готлиба» показательным является также то, что и Евгений и Анна, читая историю друг друга и одновременно переживая ее, вновь переходят из прошлого состояния, когда были как «они», в настоящее («я») через границу «вы» (другие люди). Этот переход длится на протяжении всего текста, и невозможно уловить момент, когда он закончится. Вся жизнь героев размыта во времени: в каждом из моментов жизни прошлое и настоящее перемешиваются, время перестает быть линейным, оно становится симулякром, знаком с пустой референцией.

Возникает вопрос: что же станет с человечеством, ведь таких, как Анна и Евгений, много, они лишь часть огромной цивилизации, несущейся вперед, никем не управляемой, но и никем в целом не воспринимаемой. Между человеком и человечеством становится все меньше общего, так что смысла лишается сама корневая связь этих двух слов.

Немаловажной в этом аспекте становится категория Смерти, переосмысленная и явившаяся в новом понимании. Точкой «внезаходимости», в которой обретаются автор, герои, читатель постмодернизма, – неизменно оказывалась смерть.

В романе «Последний сон разума» Д. Липскерова главным действующим лицом как раз и обозначена смерть. Большинство исследователей исходит из того, что родовым признаком человека является сознание, следовательно, смерть – это смерть сознания. Таким образом, смерть в постмодернизме выступает как тотальная аннигиляция совокупности составляющих: «Тараканье тело татарина распалось на атомы и превратилось в ничто. Ничто – это бесконечная малость» [3]. «Ведь если существуют штуки меньше атома, то существует что-то и меньше этих штук... Если взять секунду и разделить ее на тысячу, то получится одна тысячная секунды. А если разделить на миллиард, то одна миллиардная... Что же это получается? – подумал Шаллер, чувствуя, что подобрался к чему-то важному. – Следовательно, секунда времени может делиться без конца, как и преумножаться. Значит, последнее мгновение жизни человека длится бесконечно... Так что же получается – человек бессмертен в своем последнем

мгновении? Значит, человек бессмертен в бесконечно малой величине! Но бессмертен!.. – Генрих зажмурился от своего открытия» [5].

Главным героем романа Д. Липскерова «Последний сон разума» изображен стареющий татарин, продавец рыбы Илья Ильясов. Жизнь, а точнее длящаяся смерть Ильясова, сюрреалистически переплетающаяся с жизнями и смертями двух десятков других персонажей и, главное, с троекратной смертью предмета своей любви, девушки Айзы, собственно, и составляет ткань повествования. Но, как мы уже заметили, центральная фигура текста – смерть. Но не просто смерть, а некое длящееся состояние между жизнью и смертью. Смерть же понимается Д. Липскеровым не как состояние «ничто», тотального небытия, а как радикальная метаморфоза до качественно иного состояния: возлюбленные Айза и Илья неоднократно переходят из одной формы жизни в другую. Илья превращался в рыбу, голубя, таракана; автор называет его по имени, по национальности (татарин), но неизменным и постоянно повторяющимся остается только местоимение *ОН*. Данное местоимение выступает в качестве знака со множеством означаемых, которые постоянно меняются, создавая при этом игру смыслов.

«*Она* же (Айза) была экзотической рыбой, птичкой (колибри), стрекозой» [3]. Местоимения в данном случае выполняют важную для постмодерна анафорическую функцию: они отсылают к предмету, который не может быть явлен здесь и сейчас. Антенцендентом анафорической связи здесь является местоимение *ОНА* (Айза). Тогда рыбка (гуппи), птичка (колибри), стрекоза будут являться в данном контексте кореферентными относительно данного референта. И только местоимение в тексте отсылает именно к этому субъекту. При этом существительное Айза будет являться в тексте данного произведения симулякром. Он в этом контексте определяется в качестве «точной копии, оригинал которой никогда не существовал» [6, с. 737].

В этом своем качестве симулякр служит особым средством общения, основанном на реконструировании в ходе коммуникации вербальных партнеров сугубо коннотативных смыслов высказывания. Поэтому любая идентичность в системе отсчета постмодерна невозможна, так как невозможна финальная идентификация, ведь понятия в принципе не соотносимы с реальностью. И, пожалуй, только местоимения выполняют в постмодернизме данную (анафорическую) функцию, т.к. большинство понятий являются в текстах данного направления размытыми.

В конце же произведения происходит игра с самими местоимениями: *ОН* и *ОНА* меняются местами, то есть и все, что происходит с Ильей и Айзой, тоже может поменяться местами. Следовательно, и означаемое местоимения *ОН* может поменяться с означаемым местоимения *ОНА*.

Таким образом, мы воспринимаем означаемое, но означающее от нас удалено и сокрыто. При помощи местоимений происходит в сознании читателя отсылка к симулякрам.

Процесс прономинализации, репрезентированный на поверхности текста частотным употреблением местоимений, помогает раскрытию одного из основных принципов постмодернизма: текст не отображает реальность, а творит новую реальность, вернее, даже много реальностей, часто вовсе не зависимых друг от друга.

Список литературы

1. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 256 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс. 1988. – 699,1с.
3. Липскеров, Д. Последний сон разума [Электронный ресурс] / Д. Липскеров. – Режим доступа: [//search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&myso](http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&myso). – Дата обращения: 07.08.2012. – Загл. с экрана.
4. Липскеров, Д. Пространство Готлиба [Электронный ресурс] / Д. Липскеров. – Режим доступа: http://royallib.ru/author/lipskerov_dmitriy.html. – Дата обращения: 12.07.2012. – Загл. с экрана.
5. Липскеров Д. Сорок лет Чанчжоэ [Электронный ресурс] / Д. Липскеров. – Режим доступа: [//search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&myso](http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&myso). – Дата обращения: 22.08.2012. – Загл. с экрана.
6. Постмодернизм. Энциклопедия [Текст] ; сост. Грицанов А. А., Можейко М. А. – Минск : ООО «Интерпрессервис» – УП «Книжный дом», 2001. – 1040 с.
7. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто : Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж. П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 638с.

PRONOUN AS A LANGUAGE MARKER OF POSTMODERNISM ESTHETICS

I. V. Gladilina, E. G. Usovik

Tver State University
The Department of Russian Language

The present article deals with the pronominalization process, its role in shaping the aesthetics of the Russian literary postmodernism. As a research material was taken D. Lipskerov's novel "Space Gottlieb".

Keywords: *postmodernism, text, simulacrum, linguistic analysis, pronoun, pronominalization.*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru